

Цзян Чжиянь. Коммуникативные портреты драматических персонажей пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» / Цзян Чжиянь // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 147—157.

Jiang Zhiyan. (2016). Communicative Portraits of Dramatic Characters in A. P. Chekhov's Play "Uncle Vanya". *Nauchnyy dialog*, 11(59): 147-157. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Чехов.07

Коммуникативные портреты драматических персонажей пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня»

© Цзян Чжиянь (2016), аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия), jiang78@mail.ru.

Рассматривается вопрос об особенностях реализации приема коммуникативного портретирования драматических персонажей. Материалом для исследования послужила пьеса А. П. Чехова «Дядя Ваня», которой присущи характеристики полифонического романа. Уделяется внимание описанию и анализу прагматических оценок, выраженных посредством синтаксической схемы предложения «Какой + n1 (именительный падеж существительного)», выражающей оценочное значение в особых контекстах. Кроме того, анализируются оценки героями других персонажей, а также их самооценки, которые формируют полифонизм в данной пьесе. Анализ речи героев основывается на теории полифонизма М. М. Бахтина. Описываются положительные и отрицательные оценки, репрезентированные в речи разных героев, и самооценка их характера, деятельности, образа жизни. Показано, как реализуется характеристика сценических и несценических персонажей посредством языковых единиц с положительной и отрицательной коннотацией. Новизна исследования видится в том, что анализ коммуникативного портрета драматических персонажей в пьесе «Дядя Ваня» проводится с учетом особенностей использованной персонажами лексики в аспекте полифонической теории М. М. Бахтина. Представленная авторская разработка анализа текста пьесы позволяет дать исчерпывающее описание специфики коммуникативного портрета чеховских драматических персонажей и может лечь в основу анализа особенностей коммуникативного портретирования драматических персонажей других произведений.

Ключевые слова: коммуникативный портрет; прагматические оценки; Бахтин; полифонизм; Чехов.

1. Введение

Оценочное значение является свойством не отдельного слова или, по крайней мере, не только оценочного слова, но высказывания в целом или

его частей и часто возникает на основе смысла части высказывания или всего его смысла в целом [Вольф, 1981, с. 394]. Таким образом, понимание оценочных слов возможно не только с точки зрения семантики, но и в аспекте сочетания ситуации и говорящего, рассматриваемых как единое целое.

Постоянная сосредоточенность персонажей чеховской драмы на самих себе ведёт к тому, что во всех пьесах автора царит атмосфера «психологической глухоты». Поэтому разрушается структура диалога, герои начинают разговаривать не друг с другом, а сами с собой. Их реплики напоминают озвученную внутреннюю речь, столь характерную для романа. Привычная для пьесы диалогичность перерождается в цикл монологов [Позднякова, 2012, с. 297]. Таким образом, можно сказать, что в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» также царит полифонизм «как сплошной внутренний диалог» [Бахтин, 1972, с. 377], но часто он приобретает странную форму разговора глухого со слепым.

2. Прагматические оценки построения синтаксической схемой предложения «Какой + (прилаг.) + n1 (именительный падеж существительного)»

В пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» можно найти употребление конструкций, построенных по схеме «Какой + (прилаг.) + n1 (именительный падеж существительного)», выражающих оценочное значение. В процессе общения героев пьесы говорящий выражает отношение к оцениваемой личности, а слушающий извлекает оценку из контекста с учетом ситуации. Так, Войницкий, выражая мнение о Серебрякове, использует следующий тип выражения: «Какой + n1 (именительный падеж существительного)», например: *А какой успех у женщин! ... Какой это превосходный сюжет! ...* [Чехов, 1985, с. 196]. При этом Войницкий употребляет такие выражения, чтобы продемонстрировать отрицательное и ироническое отношение к профессору Серебрякову. Войницкий оценивал не только профессора, но и его жену: *Если бы вы могли видеть свое лицо, свои движения ... Какая вам лень жить! Ах, какая лень!* [Там же, с. 201]. Этим он хочет подчеркнуть, что Елена Андреевна по сути несчастлива. В ее жизни нет ни счастья, ни надежды. В то же время Астров употребляет такие типы высказываний, чтобы выразить положительную оценку: *... О, какая красивая! Какие руки! (Целует руки.)* [Там же, с. 222]. И сама Елена Андреевна использует подобный тип выражения, чтобы выразить положительное отношение к одной ситуации: *Прошла гроза. Какой хороший воздух!* и отрицательное — к другой: *Фу, какой неприятный разговор!* [Там же, с. 221].

Таким образом, одна схема предложения, содержащего оценку, может репрезентировать как положительные, так и отрицательные коннотации,

извлекаемые участниками общения при условии учета ситуации, в которой происходит взаимодействие героев.

3. Полифонизм построения текста посредством введения оценок и самооценок

Не без влияния теории полифоничности, разработанной М. Бахтиным применительно к особенностям общения героев Достоевского, теория речевой деятельности развивается и дополняется идеями о взаимодействии собеседников в речевом акте. Если главным тезисом информационно-кодовой модели является мысль о том, что главное в общении — передать информацию так, чтобы она была понята, то в интеракционной модели общения на первый план выдвигается принцип взаимодействия, кооперации. Вместо формулы «Я говорю, ты понимаешь» используется другая: «Мы вместе стараемся понять друг друга» [Шляхов, 2010, с. 13]. В чеховской пьесе драматические персонажи рассказывают что-то друг другу или оценивают кого-то или что-то, при этом как бы сами проговаривая монолог.

Китайским исследователем 李辰民 (Ли Чэньмин) отмечается, что в сюжете пьесы «Дядя Ваня» отсутствует связность и центр, каждый человек сам думает о своих мыслях и высказывает свои рассуждения, никто не мешает другим, при этом полифония формируется особым образом: «в свою трубу сами трубят и свой тон сами поют каждый по-своему» [Ли Чэньминь, 1998, с. 28]. Так, Дядя Ваня (Войницкий) говорит или о себе, или о профессоре, чаще всего облекая речь в монологическую форму, при этом никто не перебивает его и не вмешается в обсуждение. В то же время оценки профессора, занимающие наибольшее место в пьесе в целом, звучат из уст не только Войницкого, но и Елены, Сони и других героев, в том числе сам профессор много говорит о себе [Там же].

Далее рассмотрим, как оценивают герои других персонажей пьесы, а также как драматические персонажи дают оценку самим себе. Прежде всего рассмотрим суждения героев об Астрове.

Соня так оценивает Астрова: *Вы изящны, у вас такой нежный голос ... Даже большие, вы, как никто из всех, кого я знаю, — вы прекрасны. Зачем же вы хотите походить на обыкновенных людей ...* [Чехов, 1985, с. 211] и *Он умный ... Он все умеет, все может ... Он и лечит, и сажает лес ...* [Там же, с. 214]. Очевидно, Соня увлечена его внешней красотой, красотой внутренней мысли и его работой.

Елена Андреевна, разговаривая с Соней, также даёт Астрову положительную оценку: *Не в лесу и не в медицине дело... Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная го-*

лова, широкий размах ... [Там же]. Очевидно, Елена Андреевна хорошо понимает идею Астрова о «работе для других»: *Посадит деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить ...* [Там же], и она оценивает Астрова как редкого человека, более того, она указывает на то, что таких людей нужно ценить. При расставании с Астровым Елена Андреевна опять дает ему оценку: *Вы интересный, оригинальный человек ...* [Там же, с. 234].

Кроме того, в монологе Елена Андреевна оценивает Астрова следующим образом: *Среди отчаянной скуки ... иногда приезжает он, не похожий на других, красивый, интересный, увлекательный, точно среди потемок восходит месяц ясный ... Поддаться обаянию такого человека, забыться ...* [Там же, с. 218]. В ее разговоре с Войницким она тоже характеризует Астрова, отмечая его состояние, сочувствуя ему: *У этого доктора утомленное, нервное лицо* [Там же, с. 202]. Таким образом, она положительно оценивает внешние и внутренние особенности Астрова, что репрезентируется лексемами *красивый, интересный, увлекательный* и обаяние и выражением *не похожий на других*.

Когда Астров спросил у няни, изменился ли он с тех пор, когда они познакомились, няня Марина ответила: *Сильно. Тогда ты молодой был, красивый, а теперь постарел. И красота уже не та. Также сказать — и водочку пьешь* [Там же, с. 193]. Лексемы *постарел, не та, пьешь* в речи женщины отражают отрицательное отношение няни к внешности и поведению доктора на момент разговора.

Сам Астров, оценивая себя с точки зрения окружающих, говорит, что он странный человек: *... Я люблю лес — это странно; я не ем мяса — это тоже странно ...* [Там же, с. 211]. Елена Андреевна тоже высказывает мнение по этому поводу, оправдывая при этом странности доктора: *Он пьет, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким ... народ грубый, дикий ...; Странный он человек...* [Там же, с. 214]. Только Серебряков дает Астрову резко отрицательную оценку: *С этим юродивым я и разговаривать не стану* [Там же, с. 204].

В разных репликах на протяжении всей пьесы Астров также даёт себе оценку как чудаку: *Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а проживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь ... Я стал чудаком, нянька ...* [Там же, с. 193]; пошляку и пьянице: *Надо сознаться, — становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян ...* [Там же, с. 209]; старому воробью (опытному

человеку): *Хищница милая, не смотрите на меня так, я старый воробей* [Там же, с. 221]; а также как человеку, который изменился и к тому же влюблен: *Постарел, заработался, испошиллся, притупились все чувства ...* [Там же, с. 193]. *Неравнодушен я к ней* [Там же, с. 201].

Один из героев пьесы, который постоянно оценивается другими персонажами, — Елена Андреевна, при этом отметим, что нелестную оценку она получает чаще, чем лестную. Астров говорит о ней так: *Она [Елена Андреевна] прекрасна, спора нет, но ... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие ... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистою ...* [Там же, с. 210]. Можно сказать, что Чехов всегда особо подчеркивал убежденность в необходимости для человека серьезной жизненной цели, понимания смысла своего существования [Позднякова, 2012, с. 300]. Как видим, устами Астрова автор осуждает праздность Елены Андреевны, хотя дает положительную оценку ее красоте: *Роскошная женщина ...* [Чехов, 1985, с. 208]; *Красивый, пушистый хорек ...* [Там же, с. 221]; *Как будто бы вы и хороший, душевный человек, но как будто бы и что-то странное во всем вашем существе ...* [Там же, с. 234]; *Вы — хитрая!* [Там же]; *Вы застенчивы ...* [Там же, с. 222]; *Какая чудная, роскошная ...* [Там же]; *О, какая красивая! Какие руки!* [Там же]. Очевидно, что эпитеты, которыми награждает Астров Елену Андреевну, отражают одновременно лестную оценку: *прекрасна, красотой, красивый, пушистый, хороший, душевный, чудная, роскошная, красивая, застенчивы* — и нелестную: *нет никаких обязанностей, праздная жизнь*.

Войницкий также дает положительную оценку внешности и интеллекту Елены Андреевны, используя лексемы *хороша, красивее, чудная, роскошь, умница, русалка*. Например: *А как она хороша! Как хороша! Во всю свою жизнь не видел женщины красивее* [Там же, с. 195]; *Чудная женщина!* [Там же]; *... роскошь, будьте же русалкой ...* [Там же, с. 216]; *Его вторая жена, красавица, умница — вы ее только что видели — вышла за него, он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск* [Там же, с. 196]. При этом Дядя Ваня отрицательно оценивает философию брака Елены Андреевны с профессором Серебряковым. Он считает, что ее «*верность фальшива от начала до конца*» [Там же].

Соня только отрицательно оценивает Елену Андреевну: *Ты скукаешь, не находишь себе места, а скука и праздность заразительны ... Ты колдунья, должно быть* [Там же, с. 216]. Она использует лексемы *скука,*

праздность и *колдунья* для раскрытия своего неодобрительного отношения к Елене Андреевне.

Ее муж, профессор Серебряков, говорит Елене Андреевне: *Ты молода, здорова, красива, жить хочешь* [Там же, с. 203]. В этой реплике, содержащей подтекст сомнения, Серебряков выражает свою неуверенность в жене и таким образом дает ей оценку, неоднозначную по своей сути.

Хотя все названные герои оценивают Елену Андреевну чаще нелестно, но, несомненно, признают, что она красавица. И неожиданно, что она сама оценивает себя следующим образом: *А я нудная, эпизодическое лицо ... И в музыке, и в доме мужа, во всех романах — везде, одним словом, я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то я очень, очень несчастна!* [Там же, с. 215]. Из пассивных лексем и выражений (*нудная, эпизодическое лицо, несчастна*) состоит ее самооценка, а причина этого в том, что женские персонажи пьесы — это «нервозность, меланхоличность, неуверенность в себе, непрекращающаяся интроспекция» [Чижевская, 1986, с. 48].

Как нами было сказано выше, в коммуникативной ситуации прагматическая оценка героев пьесы, а также их самооценка отражает отношение не только друг к другу, но и к себе, что ярко выражается в коммуникативном портретировании Елены Андреевны.

Далее рассмотрим, как оценивает себя Войницкий и как говорят о нем другие герои пьесы. Оценивая себя положительно, Дядя Ваня говорит: *высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик* [Чехов, 1985, с. 226]; *Я талантлив, умен, смел ...* [Там же, с. 227]. И напротив: *Ничего. Все старо. Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился, ничего не делаю и только ворчу, как старый хрен* [Там же, с. 195]. В «Толковом словаре русского языка» выражение *старый хрен* дается с маркировкой «разг. фам. пренебр.»: «бранно о старике, старом человеке». *Знаем мы тебя, старый хрен. Кокорев. А он, старый хрен, заупрямился* (А. Кольцов) [ТСРЯ, т. 3, с. 561]. Главным образом этим выражением репрезентируется отчаянное и безнадежное отношение Войницкого к своей жизни.

При этом позже он осознает, что был хорошим работником: *О, как я обманут!* [Чехов, 1985, с. 207]; *... работал на него, как вол!* [Там же]. Как известно, выражение *работать, как вол* означает «очень усердно и много, не покладая рук» [ТСРЯ, т. 1, с. 158]. Хотя, понимая бесполезность своего труда, Войницкий скорее всего дает отрицательную оценку своей жизни.

Очевидно, что Войницкий — неоднозначный персонаж, поэтому и Елена Андреевна оценивает его по-разному: с одной стороны, она ценит

его интеллект: *Вы, Иван Петрович, образованны и умны ...* [Чехов, 1985, с. 206], а с другой — он ее утомляет: *Вы целый день жуужжите, всё жуужжите — как не надоест!* [Там же, с. 216]. Кроме того, Елена Андреевна и себя не щадит: *оба мы нудные, скучные люди! Нудные!* [Там же, с. 202]. Известно, что *нудный* означает ‘скучный, надоедливый’ (*Нудный разговор. Нудный человек*) [ТСРЯ, т. 2, с. 120]. С ее точки зрения, они оба несимпатичные, потому что скучные.

В словах Сони, говорящей о Войничком, звучит сочувствие: *бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь* [Чехов, 1985, с. 238]. А профессор Серебряков крайне резко высказывается о нем: *Ничтожнейший человек!* и *Ничтожество!* [Там же, с. 227]. Ясно, что у Серебрякова нет благодарности к Войничкому, он для профессора — не заслуживающий уважения человек. С точки зрения Марьи Васильевны, Войничкий совсем изменился: *Ты был человеком определенных убеждений, светлою личностью* [Там же, с. 198], и изменения произошли не в лучшую сторону. Астров, возражая Войничкому, говорит: *Ты не сумасшедший, а просто чудака. Шут гороховый ... Ты вполне нормален* [Там же, с. 231], показывая тем самым неоднозначное отношение к Дяде Ване. Хотя похоже Астров оценивает и себя: *Я не удовлетворен жизнью, как ваш дядя Ваня, и оба мы становимся брюзгами* [Там же, с. 210]; *Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты ... и мы стали такими же пошляками, как все* [Там же, с. 232].

Таким образом, анализ особенностей коммуникативного портретирования Войничкого выявляет лексемы с отрицательной (*чудака, шут гороховый, жуужжите, бедный, ничтожнейший, пошляками, дурака*) и положительной (*добросовестный приказчик, талантлив, умен, смел, образованны, умны, нормален, порядочных, интеллигентных*) коннотациями.

Коммуникативное портретирование профессора Серебрякова менее противоречиво, поскольку чаще связано с негативными характеристиками в его адрес. Так, Войничкий дает профессору ироническую оценку: *Бедная бумага! Какой это превосходный сюжет! Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобля, переливает из пустого в порожнее ... И в то же время какое самомнение! Какие претензии! Он вышел в отставку, и его не знает ни одна живая душа, он совершенно неизвестен; значит, двадцать пять лет он занимал чужое место. А посмотри: шагает, как полубог!* [Там же, с. 196]; завистливую: *«А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! ... сам необыкновенно счастлив ... какое счастье!* [Там же], а также резко отрицательную: *Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит*

и ревнует, больше ничего [Там же, с. 216]; *Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного! Ты морочил нас!* [Там же, с. 227].

После разговора с Еленой Андреевной Войницкий в монологе так говорит о Серебрякове: ... казалось мне **гениальным** ... он совершенно **неизвестен, он ничто! Мыльный пузырь!** И я обманут ... вижу — глупо обманут ... [Там же, с. 208].

В то же время, успокаивая Соню, няня Марина отрицательно оценивает обоих героев. Она говорит: *Ничего, деточка. Погогощут гусаки* [Там же]. В словаре находим: *гусак* (перен. разг.-сниж.) ‘глупый, высокомерный человек’ [НСРЯ, т. 1, с. 350].

Соня, дочь Серебрякова, так оценивает отца: *Папа ... Это не деликатно ...* [Там же, с. 204]; *Пожалуйста, не капризничай ...* [Там же, с. 205]; *Избалован* [Там же]. Дочь по сути высказывает неодобрение.

Профессор Серебряков и сам о себе отзывается нелестно: *Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть* [Там же, с. 203]; *Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп* [Там же]; *Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни* [Там же, с. 224]; *Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, — но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм?* [Там же, с. 204].

Таким образом, коммуникативное портретирование Серебрякова в данном тексте эксплицировано следующими лексемами и выражениями: *старый сухарь, ученая вобла, самомнение, претензии неизвестен, полубог, личиной, ученого мага, бездарность, тупость, бессердечие, успеха, полного успеха, счастливы, счастье, чепуху, брюзжит, ревнует, не стоят гроша медного, гениальным, неизвестен ничто, гусаки, не деликатно, капризничай, избалован*, — которые выражают ироническую, завистливую и отрицательную оценку этого персонажа другими героями пьесы, за счет чего создается его нелюбимый образ.

Другой персонаж, Соня, оценивается окружающими как добрая и чистая внутренне, но некрасивая внешне. Так, сама Соня передает слова чужих людей: *как говорили про меня, и одна женщина сказала: «Она добрая, великодушная, но жаль, что она так некрасива* [Там же, с. 213]. Елена Андреевна так оценивает Соню: *Я понимаю эту бедную девочку* [Там же, с. 218]; она успокаивает Соню: *У тебя прекрасные волосы* [Там же, с. 217]. Рассуждая о судьбе Сони и Астрова, Елена Андреевна говорит: *Она не красива, но для деревенского доктора, в его годы, это была бы прекрасная жена. Умница, такая добрая, чистая ...* [Там же, с. 218]. Она

нарисовала образ Сони, в котором внешняя непривлекательность девушки не является помехой для того, чтобы быть прекрасной женой благодаря внутренним достоинствам. Коммуникативный портрет Сони исчерпывающе обрисован эпитетами: *некрасива, прекрасная, умница, добрая, чистая*. При этом сама девушка относится к себе более критично, проецируя внешнюю некрасивость на свои внутренние качества: *О, как это ужасно, что я некрасива! Как ужасно! А я знаю, что я некрасива, знаю, знаю... У меня глупое лицо ...* [Там же, с. 212].

Второстепенные и внесценические персонажи пьесы также изображены при помощи приема коммуникативного портретирования через оценку их разными героями. Так, профессор Серебряков дает нелестную характеристику бывшей теще Марье Васильевне: *эта старая идиотка, Марья Васильевна ...* [Там же, с. 204]. Войницкий плохо отзывается о своей матери: *Моя старая галка, татап, все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни* [Там же, с. 195]. Телегин сам говорит о том, как плохо к нему относятся чужие люди: *... иду я деревней, а лавочник мне вслед: «Эй, ты, приживал!»* [Там же, с. 230], хотя Соня в общем-то по этому же поводу дает ему положительную оценку: *Илья Ильич наш помощник, правая рука ...* [Там же, с. 198]. Войницкий, оценивая внесценического персонажа, первую жену профессора Серебрякова и свою сестру, утверждает: *Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое создание, чистая, как вот это голубое небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, — любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами ...* [Там же, с. 196]. Все прилагательные, характеризующие женщину, и сравнение, безусловно, свидетельствуют о любви и уважении дяди Вани к своей сестре.

4. Выводы

Таким образом, анализ лексических единиц, значения которых содержат положительные и отрицательные коннотации, используемых героями пьесы для характеристики друг друга, а также для оценки внесценических персонажей, показал, что для исчерпывающего описания героев и их отношений необходимо коммуникативное портретирование, которое осуществляется посредством анализа речи чеховских драматических персонажей. При этом в речи героя может содержаться самооценка и оценка другого, что позволяет составить комплексный портрет каждого драматического персонажа пьесы «Дядя Ваня».

Источники и принятые сокращения

1. НСРЯ — *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — Москва : Русский язык, 2000. — 1233 с.
2. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Вече, 2001. — 1280 с.
3. *Чехов А. П. Дядя Ваня* / А. П. Чехов // *Собрание сочинений в 12-ти томах.* — Москва : Типография им. В. И. Ленина, 1985. — Т. 10. — С. 192—238.

Литература

1. *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского* / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1972. — 470 с.
2. *Вольф Е. М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структуры в семантике слова и высказывания* / Е. М. Вольф // *Известия АН СССР.* — 1981. — № 4. — С. 391 — 397 с.
3. *Ли Чэнь Мин. Пересмотр пьесы «Дядя Ваня» и о чеховской драматической эстетике* / Ли Чэнь Мин; перевод с китайского // *Русское искусство.* — 1998. — № 4. — С. 25—30.
4. *Позднякова Е. А. Генезис «Новой драмы» А. П. Чехова* / Е. А. Позднякова // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова.* — 2012. — № 1. — С. 296—300.
5. *Чижевская М. И. Язык, речь и речевая характеристика (Вопросы изучения речи персонажа)* / М. И. Чижевская. — Москва : МГУ, 1986. — 69 с.
6. *Шляхов В. И. Речевая деятельность : Феномен сценарности в общении* / В. И. Шляхов. — Москва : КРАСАНД, 2010. — 200 с.

Communicative Portraits of Dramatic Characters in A. P. Chekhov's Play "Uncle Vanya"

© **Jiang Zhiyan (2016)**, post-graduate student, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia), jiang78@mail.ru.

The features of implementation of the method of communicative portraying of dramatic characters are considered. The material for the study was A. P. Chekhov's play "Uncle Vanya", which has the characteristics of the polyphonic novel. Attention is paid to the description and analysis of pragmatic evaluations, expressed through a syntactic scheme of the sentence "What + n1 (nominative case of the noun)," expressing evaluative meaning in particular contexts. In addition, the characters' evaluations of other characters are analyzed, as well as their self-evaluations, which form polyphony in this play. Analysis of the characters' speech is based on M. M. Bakhtin's theory of polyphony. Positive and negative evaluations are described, represented in the speech of different characters, and self-assessments of their character, activities, way of life. The realisation of the characteristics of stage and non-stage characters by language units with positive and negative connotations is shown. The novelty of the research is

seen in the fact that the analysis of communicative portrait of the dramatic characters in the play "Uncle Vanya" is made based on features of lexis used by the characters in the aspect of a Bakhtin's polyphonic theory. Presented author's analysis of the play's text allows to give a comprehensive description of the specifics of communicative portrait of Chekhov's dramatic characters, and may form the basis of the analysis of peculiarities of communicative portraying of dramatic characters from other works.

Key words: communicative portrait; pragmatic evaluations; Bakhtin; polyphony; Chekhov.

Material resources

- Chekhov, A. P. 1985. Dyadya Vanya. In: *Sobraniye sochineniy v 12-ti tomakh, 10*. Moskva: Tipografiya im. V. I. Lenina. 192—238. (In Russ.).
- NSRYa — Efremova, T. F. (ed.). 2000. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoo-brazovatelnyy*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- TSRYa — Ushakov, D. N. (ed.). 2001. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Veche. (In Russ.).

References

- Bakhtin, M. M. 1972. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Chizhevskaya, M. I. 1986. *Yazyk, rech' i rechevaya kharakteristika (Voprosy izucheniya rechi personazha)*. Moskva: MGU. (In Russ.).
- Li Chen' Min. 1998. Peresmotr pyesy «Dyadya Vanya» i o chekhovskoy dramaticheskoy estetike. *Russkoye iskusstvo*, 4: 25—30. (In Russ.).
- Pozdnyakova, E. A. 2012. Genezis «Novoy dramy» A. P. Chekhova. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 1: 296—300. (In Russ.).
- Shlyakhov, V. I. 2010. *Rechevaya deyatel'nost': Fenomen stsenarnosti v obshchenii*. Moskva: KRASAND. (In Russ.).
- Volf, E. M. 1981. O sootnoshenii kvalifikativnoy i deskriptivnoy struktury v semantike slova i vyskazyvaniya. *Izvestiya AN SSSR*, 4: 391 — 397 s. (In Russ.).